# Русскій человѣкъ.

## Изъ воспоминаній.

Въ послѣдніе годы, когда то и дѣло возникаютъ союзы «истинно-русскихъ» людей и такъ пироковѣщательно и нетерпимо заявляютъ о себѣ въ разныхъ градахъ и весяхъ матушки-Руси, мнѣ все чаще и чаще приходятъ на память черты изъ жизни просто русскаго человѣка, на рукахъ котораго я росла и которому обязана своимъ нравственнымъ закаломъ—моего отца. Старшій братъ его, декабристъ Николай Романовичъ Цебриковъ прозвалъ его: послѣдній могикапъ религіи «престолъ-отечества»; сослуживцы и начальство со скрежетомъ зубовнымъ звали его собакой на сѣнѣ, кронштадтскія дамы, при которыхъ онъ не стѣсняясь разсказывалъ о подвигахъ по части казнокрадства ихъ отцовъ, мужей или братьевъ, прозвали его оригиналомъ; подчиненные такъ судили отца: «строгъ, даромъ не обидитъ, копѣйки матросской не возьметъ и, гдѣ хватитъ силы, заступится, когда даромъ человѣка губятъ.

Когда мнѣ случалось, при встрѣчѣ съ моряками, припоминать иныя черты изъ служебной практики моего отца, то мнѣ не разъ приходилось слышать замѣчаніе: «Какъ это только онъ дослужился до генеральскаго чина, а не до матросской куртки».

Я это объясняю себѣ только тѣмъ, что отца боялись. Если бы ему надѣли сѣрую куртку, то кое-кто изъ ближайшаго начальства вылетѣлъ бы въ отставку. Раза два мнѣ пришлось видѣть, когда онъ громилъ подчиненныхъ: первый разъ, когда офицеръ свою оплошность свалилъ на унтера, которому зато грозила арестантская куртка; второй разъ, когда пьяный офицеръ портовой рабочей команды задалъ арестантамъ непосильный урокъ. Отецъ былъ страшенъ въ минуту гнѣва. Разъ контръ-адмиралъ Анжу, командиръ кронштадтскаго порта

и непосредственный начальникъ отца, выстроившій въ Ораніенбаумѣ нѣсколько дачъ казеннымъ лѣсомъ и казенными рабочими, сказалъ отцу дерзость передъ фронтомъ. Отецъ занималъ тогда должность командира внутренней брантвахты въ купеческой гавани и не доставлялъ начальству подать, обычно платимую другими командирами въ видѣ боченковъ заграничныхъ винъ, корзинъ фруктовъ и пр., и взимавшуюся съ иностранныхъ купеческихъ судовъ. Отецъ смолчалъ при командѣ, но, провожая начальника по стѣнкѣ гавани, сказалъ: «Будьте впередъ осторожнѣе. Сегодня я могъ сдержаться, въ другой разъ не ручаюсь. Я надѣну матросскую куртку, да и карьера вашего превосходительства будетъ испорчена». Анжу взглянулъ въ глаза отца и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать. Разсказывая объ этомъ матери, отецъ недоумѣвалъ, чего этотъ «нѣмчура» такъ испугался; наконецъ, съ хохотомъ отецъ догадался, что «нѣмчура» просто струсилъ, какъ бы его со стѣны не сбросили въ море.

И дѣйствительно, настоящее мужество сильной души не удѣлъ изворовавшихся, изолгавшихся, неподличавшихся душъ. Это не мѣшало инымъ изъ начальниковъ и сослуживцевъ отца носить крестъ за Наваринъ. Одинъ родственникъ и на самомъ дѣлѣ отличился, что не мѣшало ему низкопоклонничать, дурно кормить команду. Въ холеру 48-го г. мои товарищи дѣтства, кадеты, продѣлывали съ нимъ дурацкія штуки, издѣваясь надъ его трусостью передъ этой болѣзнью, и онъ мѣнялся въ лицѣ и глоталъ Тильмановскія капли, когда шутники увѣряли его, что у него подъ глазами сине и на вискахъ желтыя пятна.

На моемъ отдѣ сильно сказалось вліяніе его отца, человѣка недюжиннаго. Сынъ простого казака, о которомъ въ семейныхъ преданіяхъ только и сохранилось, что былъ казакъ Максимъ Цебрикъ, Романъ остался рано сиротой. Старшій братъ Иванъ былъ писцомъ въ казачьемъ правленіи, когда Малороссія перешла въ подданство Екатерины II. На свое скудное жалованье онъ кормилъ сестеръ и воспитывалъ брата. Романъ ходилъ въ училище; нѣмецкому языку онъ выучился у лейпцигскихъ купцовъ, ежегодно пріѣзжавшихъ на харьковскую ярмарку и останавливавшихся на томъ же дворѣ, гдѣ жили Цебриковы; братъ Иванъ прибавилъ великорусское «овъ» къ фамиліи. Романъ служилъ на побѣгушкахъ у купцовъ, получалъ за труды мелочную плату. Къ шестнадцати годамъ онъ порѣшилъ отправиться съ купцами въ Лейпцигскій университетъ. Братъ Иванъ не противился, и юноша отправился съ обозами товаровъ въ Лейпцигъ, большею частью пѣшкомъ. Въ Лейпцигѣ онъ явился къ русскому консулу, который имъ заинтересовался и помогалъ первый годъ. На второй, когда Екатерина II послала молодыхъ людей въ Лейпцигскій университетъ, консулъ доложилъ о самоучкѣ, пришедшемъ изъ Харькова, и карьера дѣда бы-

ла сдѣлана. По окончаніи курса, онъ поступилъ на службу въ иностранную коллегію, позже переименованную въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ пору либеральныхъ увлеченій Александра I Романъ Цебриковъ получалъ отъ императора порученія переводить историческія сочиненія. Я въ дѣтствѣ видѣла нѣсколько томовъ большого формата рукописныхъ книгъ въ толстомъ переплетѣ съ заглавіемъ: Шведская исторія Далина. Когда дѣдъ мой померъ, еще не успѣли обрядить тѣло, какъ явился адъютантъ Александра I и, обыскавъ всѣ ящики письменнаго стола, забралъ всѣ бумаги, кромѣ малозначущихъ тетрадей, и увезъ все показать императору. Дѣдъ мой велъ свои записки и дневникъ. Ничего не было возвращено наслѣдникамъ.

Въ воспитаніи дѣтей, дѣдъ мой держался взглядовъ, очень рѣдкихъ въ то время. На книжныхъ полкахъ отца былъ рукописный томикъ руки дѣда, тамъ были высказаны нѣкоторыя мысли Песталоцци. Дѣдъ ставилъ цѣлью не карьеру дѣтей, а большое развитіе и будущую полезность ихъ Россіи. Къ ужасу женниной родни Карауловыхъ, «баръ со всякими фанаберіями», какъ о нихъ отзывался мой отецъ, онъ отдалъ сыновей не въ пажескій, и даже не въ первый корпусъ, не желая готовить «шаркуновъ-гвардейцевъ». Старшаго Николая онъ отдалъ въ горный корпусъ, цѣня «великую важность для Россіи горнаго дѣла, которое должно расти и ширяться». Такъ передавалъ его слова мой отецъ. Второго сына, Александра, и третьяго, Константина, онъ отдалъ въ морской корпусъ потому, что тамъ основательно учили математикѣ; и сверхъ того онъ разсчитывалъ на заграничныя плаванія для образованія юношей.

Въ морскомъ корпусѣ отецъ мой подчинился сильному религіозному вліянію, котораго, полагаю, не могъ дать ему дѣдъ. Я никогда не слыхала отъ отца ни слова о религіозности дѣда. Изъ нѣкоторыхъ случайныхъ словъ дяди-декабриста заключила, что дѣдъ былъ деистомъ, съ оттѣнкомъ вольтеріанства. Въ корпусѣ ротнымъ отца былъ Ширинскій-Шихматовъ, умершій позже монахомъ на Аѳонѣ. Учителемъ закона Божія былъ іеромонахъ Іовъ, окончившій помѣшательствомъ вслѣдствіе того, что «умомъ смертнаго хотѣлъ разгадать тайны, которыя Господь въ мудрости Своей сокрылъ отъ людей». Вліяніе Іова было сильно, и отецъ нерѣдко вспоминалъ, какъ его, 13-лѣтняго мальчика, глубоко уязвилъ отзывъ Іова, положенный на его сочиненіе къ экзамену: «мысли хороши, но чувства притворны». Во время пересмотра сочиненія учителемъ, отецъ невольно разсмѣялся рожамъ, которыя корчилъ за спиной іеромонаха шалунъ-товарищъ. За это отца оставили на годъ въ томъ же классѣ, и онъ не перешелъ въ гардемарины вмѣстѣ съ братомъ. Ротный Ширинскій не простилъ отмѣтки «чувства притворны»; а усумниться въ истинѣ мнѣнія старшаго было немысли-

мо, не говоря уже о томъ, чѣмъ было для Ширинскаго, будущаго аѳонскаго монаха, мнѣніе іеромонаха.

Педагогамъ поучительно замѣтить фактъ, какъ ложится на молодыя и сильныя души несправедливость. Отецъ всегда съ горечью вспоминалъ вынесенную обиду, и на восьмомъ десяткѣ говорилъ о ней съ тѣмъ же волненіемъ, какъ и на пятомъ. И трудно сказать, что ему казалось болѣе горькимъ: то ли, что онъ, ученикъ изъ перваго пятка, былъ оставленъ на второй годъ въ классѣ, или то, что его, такъ искренно вѣровавшаго, заподозрили въ притворныхъ чувствахъ.

Отцу моему было около 15 лѣтъ, когда скоропостижно умеръ его отецъ. Мать умерла еще въ 12 году отъ несчастныхъ родовъ, вслѣдствіе испуга, когда неожиданно перевели морской корпусъ въ Свеаборгъ, изъ опасенія нашествія Наполеона, и увезли двухъ сыновей. Опекуншей была назначена сестра матери Варвара Александровна Княжнина.

То была женщина свѣтская; у нея въ домѣ былъ литературный, или псевдо-литературный салонъ; я не могла точно опредѣлить то или другое, слыша отзывы родни. Вліяніе опекунши сказалось тѣмъ, что Александръ, выйдя 16-лѣтнимъ юношей изъ морского корпуса, поступилъ въ гвардейскій экипажъ, а старшій Николай вышелъ изъ горнаго корпуса и поступилъ въ финляндскій полкъ. Одинъ Константинъ, помня нежеланіе отца своего видѣть сыновей гвардейцами, остался во флотѣ. Онъ иногда припоминалъ отношеніе круга знакомыхъ тетки къ негвардейцамъ. Сама тетка, какъ женщина умная, не грѣшила такимъ пренебреженіемъ и доказывала это, вызывая негодованіе знакомыхъ. Такъ она, принимая въ праздникъ визиты отъ подчиненныхъ мужа, уступила свое мѣсто на диванѣ женѣ армейскаго офицера, рядомъ съ сидѣвшей чиновной дамой. Дама не опомнилась отъ негодованія, а оберъ-офицерша расплакалась отъ умиленія и благодарности за честь. Но тонъ своего кружка Княжнина не могла передѣлать, и отецъ сталъ рѣже ходить къ теткѣ, и то только когда не было гостей. Ему, мистику, претилъ легкій тонъ вольтеріанства; напр., одна родственница изъ того же круга, когда пришлось вести процессъ, грозившій ей разореніемъ, начала по обѣту вышивать коверъ или пелену въ церковь и при этомъ шутила, что заключила контрактъ съ Богомъ: donnant—donnant, rien—rien.

Отца привлекало масонство. При его психологическомъ складѣ, порыванія къ свободѣ, свойственныя молодости, отлились въ форму религіозную, и ему было тѣсно въ православіи, къ которому онъ впослѣдствіи вернулся. Масонство оставило слѣды въ его душѣ, и онъ, при всей своей горячей вѣрѣ въ преданія святой Руси, никогда не одобрялъ гоненій на иныя вѣроисповѣданія и съ равнымъ благоговѣніемъ входилъ

въ магометанскую мечеть и въ еврейскую синагогу. Я помню хорошо, какъ онъ меня съ сестрой повелъ посмотрѣть синагогу, строго предупредивъ заранѣе, чтобы мы не смѣли смѣяться, если намъ что покажется страннымъ. Передъ входомъ въ синагогу, отецъ снялъ фуражку. Канторъ замѣтилъ авторитетно: «Ваше высокоблагородіе, накройтесь». Отецъ, надѣвая фуражку, сказалъ, что онъ снялъ ее по привычкѣ, изъ почтенія къ храму Бога. Тогда мнѣ было лѣтъ восемь, и я живо помню тонъ, какимъ было высказано это объясненіе; отецъ не хотѣлъ, чтобы евреи видѣли что-либо обидное въ надѣтой фуражкѣ.

О своемъ масонствѣ отецъ никогда не говорилъ. Когда я въ послѣдніе годы его жизни спрашивала его объ этомъ, онъ отвѣчалъ одно: далъ подписку не быть масономъ. Онъ не любилъ, когда надъ масонствомъ отпускалъ шутки его двоюродный братъ, бывшій тоже масономъ въ одно время съ нимъ; тогда масонство было въ модѣ, имъ увлекались и легковѣсныя натуры, а--ради связей и разсчетливыя, «которыя лѣзли въ знать», какъ отзывался отецъ по поводу родственника. Масонство открывало исходъ мистическимъ сторонамъ психики отца; но еще болѣе влекло оно его тѣмъ, что открывало возможность для мирной борьбы съ неправдой и зломъ. Эту борьбу онъ велъ до отставки, и когда начальство его запускало лапу въ казну, или гнало изъ разсчета и мести невинныхъ, то отецъ, негодуя, цитировалъ статьи морского устава и тексты изъ библейскихъ пророковъ, обличавшихъ неправедныхъ властителей и судей.

Декабристъ Александръ Бестужевъ-Марлинскій, завербовавъ старшаго брата, Николая, въ декабристы, усиленно вербовалъ и отца. Но отецъ остался вѣренъ своей религіи «престолъ—отечество». Его вѣрность присягѣ была обоснована и на своеобразной политико-соціальной философіи, и въ своихъ политическихъ преніяхъ съ возвратившимся декабристомъ Николаемъ, отецъ любилъ припоминать слова одного матроса своего экипажа. Матросъ былъ ламповщикомъ въ казармѣ, и на другой день послѣ 14 декабря отецъ, обходя свою роту, увидѣвъ матроса за чисткой фонарей, сказалъ ему: «Уменъ, братъ, что не пошелъ на площадь». Матросъ отвѣчалъ: «Ваше благородіе, конституція или конституція тамъ затѣвалась, а насъ все равно будутъ гонять на работу». «Ну, много ли такихъ, какъ вы?»,—подкрѣплялъ отецъ мнѣніе матроса,—ты, Николай, да еще нѣкоторые другіе такіе, да и обчелся; а то всѣ прочіе, это *отъ туа ке же миметъ*». Онъ на русскій ладъ выговаривалъ французскія слова, употребляя эту фразу для пущей язвительности. «Россія сильна самодержавіемъ». Дядя не менѣе язвительно упоминалъ о Севастополѣ, и на обычный отвѣтъ отца, что Богъ покаралъ Россію за грѣхи, возражалъ: «Да, грѣхи, что Россія терпѣла такое безобразіе правительства. А народъ-то

чѣмъ виноватъ передъ Богомъ твоимъ, труженикъ и мученикъ, котораго гнали на убой, голоднаго, раздѣтаго?». Отецъ еще рѣзче возражалъ брату, чтобы заглушить мучительный душевный разладъ, который поднялся въ его душѣ съ самаго начала войны 53—55 г.г.

Я все это живо помню и тѣмъ болѣе, что мнѣ самой пришлось иное видѣть. Отцу выпала тогда очередь быть на внутренней брандвахтѣ въ первую половину кампаніи.

Моя мать очень разсчитывала на эту брандвахту, потому что прибавка жалованья и столовыхъ и пайковъ на деньщиковъ значила много въ бюджетѣ, въ которомъ каждый рубль былъ на счету. На эту весну купеческая гавань была пустынна; немногія зазимовавшія иностранныя суда спѣшили уйти. Новыя не приходили: англійскій флотъ блокировалъ Балтику. Кронштадтъ вооружался, наѣхало масса начальства, которое пикировалось о старшинствѣ, а дѣла настоящаго не дѣлало. Теперь, послѣ Цусимы, никого не удивитъ описаніе тѣхъ жалкихъ средствъ, какія могло выставить тогда на защиту отечества русское правительство. Англійская передовая эскадра стояла за Гохландомъ—островъ въ нѣсколькихъ десяткахъ миль отъ Кронштадта, а на передовые форты—фортъ Павелъ, фортъ Петръ и третій—Кроншлотъ—не было свезено ни пушекъ, взамѣнъ изъѣденныхъ раковинами, ни бомбъ, ни пороха. Пикировавшемуся начальству было не до того, а ранняя весна въ тотъ годъ сдѣлала свое, и съ половины марта ледъ сталъ непроченъ и могъ выдерживать только легковыя сани, а не тяжелый грузъ орудій. Къ Благовѣщенію отецъ перебрался на брандвахту; въ это время ледъ на всемъ пространствѣ между гаванью и фортами былъ уже взломанъ.

Въ городѣ царила паника. Говорили: «Если бы о н ъ зналъ, О н ъ послалъ бы судно-другое, на пробу, обстрѣлять передовые форты; по отвѣтной пальбѣ, непріятель бы понялъ, какова защита—и нагрянулъ бы союзный флотъ. Какъ въ 1812 г. союзникомъ русскихъ оказался морозъ, такъ и въ 1853 г. помогла перемѣна вѣтра. Между Гохландомъ и передовыми фортами сперся ледъ. Спасло и то, что непріятелю бы въ голову не пришло, чтобы т а к ъ можно было готовиться къ защитѣ, да еще крѣпости, какъ Кронштадтъ—ключа къ столицѣ и къ лѣтней резиденціи императора, который жилъ тогда въ Петергофѣ. Тѣ изъ моряковъ и кронштадтцевъ той поры, которые живы, должны помнить эту панику.

Можно представить, съ какими чувствами мы въ этомъ году провожали отца на брандвахту и чаще обыкновеннаго ходили навѣщать его. Тогда доступъ въ купеческую гавань не былъ запрещенъ. Съ объявленіемъ войны закрыли доступъ публикѣ, но семьи служащихъ имѣли свободный доступъ. Случалось, что мы по нѣсколько дней гостили у

отца. Пришлось видѣть и слышать многое. Изъ штаба пришла отцу бумага прислать въ арсеналъ за пистолетами для офицеровъ служащихъ на брандвахтѣ. Лейтенантъ, посланный отцомъ, принесъ два-три пистолета, пощелкалъ куркомъ каждаго и посмотрѣлъ въ дуло. «Никуда не годятся, въ рукахъ разорветъ,—негодуя говорилъ онъ,—защищайся тутъ». Отецъ также пощелкалъ курками и посмотрѣлъ въ дуло. Онъ сталъ мраченъ. «Не разсказывайте никому,—приказалъ онъ офицеру,—а если надо, то пистолетъ носите за поясомъ».

Вскорѣ намъ пришлось пережить тревогу, памятную и сильную. Съ военной брандвахты былъ поданъ сигналъ, что идетъ судно. Англійскій флотъ такъ строго блокировалъ наше море, что ни одно иностранное судно не приходило. Отецъ немедля далъ знать въ штабъ. Отецъ приказалъ лейтенанту снарядить катеръ. Отецъ одѣлся, простился съ нами и пошелъ въ канцелярію писать рапортъ въ штабъ. Я не могла утерпѣть и сбѣжала внизъ на плотъ, у котораго вооружали катеръ.

Лейтенантъ, распоряжавшійся на плоту, и унтеръ, и матросы съ холоднымъ и непріязненнымъ удивленіемъ смотрѣли на меня, и я поспѣшно отошла въ уголъ за лѣстницу. Вотъ пришелъ взводъ армейскихъ солдатъ съ унтеромъ. Вотъ протащили на носъ большого 16-весельнаго катера небольшую ржавую пушченку, принесли ружья и потомъ абордажные крюки. Я стояла возлѣ окна нижней палубы брандвахты, гдѣ находилось помѣщеніе команды и цейхгаузъ. Изъ окна подавали крючья. На длинномъ древкѣ былъ насаженъ толстый желѣзный крюкъ. Принимавшій на плоту крюки, матросъ не успѣлъ подхватить, и крюкъ ударился о полъ плота. Перержавѣвшее желѣзо разлетѣлось на куски. Кто-то изъ матросовъ проворчалъ: «Вотъ и цѣпляйся эдакими крючьями». Унтеръ сурово возразилъ: «Помеломъ прикажутъ цѣпляться и помеломъ цѣпляйся».

Вооруженіе катера окончилось. Крючья были уложены вдоль катера на банки (скамьи гребцовъ), тутъ же положили и ружья для гребцовъ, и все прикрыто брезентами. Армейскимъ солдатамъ было приказано лечь на дно катера подъ банки. Унтеръ занялъ свое мѣсто у руля. Пришелъ отецъ. Взглядъ его скользнулъ по окнамъ его каюты, тамъ прильнули къ стеклу блѣдными лицами мать и сестра. Онъ увидѣлъ меня. Я вышла изъ-за лѣстницы. Взглядъ его приковалъ меня на мѣстѣ. Садясь въ катеръ, онъ замѣтилъ, что напрасно солдатъ запрятали подъ банки: пока катеръ идетъ подъ прикрытіемъ фортовъ, его не будетъ видно. Незачѣмъ напрасно утомлять людей. Солдаты повылѣзли изъ-подъ банокъ и сѣли, гдѣ кому пришлось, чтобы не мѣшать гребцамъ.

«Съ Богомъ»,—скомандовалъ отецъ и, снявъ фуражку, перекрестился. Перекрестились и всѣ на катерѣ. Черезъ часа два отецъ вернулся, иностранное судно оказалось, дѣйствительно, купеческимъ и, благодаря густымъ туманамъ, могло незамѣтно проскользнуть мимо судовъ блокированной эскадры.

Такія минуты, какія я пережила, зная, что отецъ идетъ, быть можетъ, на смерть, съ негоднымъ оружіемъ—памятны. И я хорошо понимала тогда, почему оружіе негодно, не понимало этого только ближайшее начальство отца.

Началась война на югѣ. Главнокомандующимъ былъ назначенъ Меншиковъ, морской министръ. Отецъ мой отзывался о немъ презрительно: каламбуристъ, рожи корчитъ. Особенно низко цѣнилъ онъ Меншикова послѣ одного объясненія съ нимъ. Отца обошли чиномъ, онъ не позаботился, несмотря на мольбы матери, послать подарокъ начальнику штаба Васильеву, который потомъ былъ главнымъ командиромъ въ Астрахани и отправился потому, что шелъ подъ судъ за чрезмѣрную взятку жены. Помнится, что торги на какіе-то подряды были назначены часомъ ранѣе опубликованнаго срока. Это было въ 60-хъ годахъ, или концѣ 5-хъ гг., когда стало неудобно отдаваться вовсю, попрежнему, привычкамъ халанья. Отецъ засталъ Меншикова въ кабинетѣ, больного, желтаго. На письменномъ столѣ стояли зеркальце и возлѣ коробка пилюль. На жалобу отца, что его обошли чиномъ; Меншиковъ сказалъ: «Вотъ сейчасъ былъ уменя докторъ, нашелъ, что у меня скверный языкъ и далъ горькія пилюли. Ну, а отъ вашего языка, Цебриковъ, никакая пилюля непоможетъ».

Отецъ отвѣчалъ словами Чацкаго: «Служить бы радъ, прислуживаться тошно». На это Меншиковъ скорчилъ рожу и вполголоса замѣтилъ отцу: «Всѣ мы, братецъ, Цебриковъ, прислуживаемся».

Вотъ этого-то «прислуживаемся» отецъ не могъ переваривать; онъ тѣмъ болѣе непрощалъ этого слова начальнику министерства, мужу государева совѣта. Онъ говорилъ, что въ Севастополѣ нуженъ настоящій человѣкъ, а не прислуживающійся. Пойдутъ въ ходъ маменькины сынки, бабушкины внучки; придворная тля нашлетъ своихъ. Отецъ всегда съ презрѣніемъ отзывался о большомъ свѣтѣ и любилъ повторять, какъ одна умная барышня отдѣлала въ Кронштадтскомъ клубѣ одного флигель-адъютанта. Танцуя съ ней, онъ сказалъ съ гримасой: «Какое общество!» Барышня (это была Ел. Ратчъ) отвѣчала: «Есть три разряда общества: среднее—образованное, низшее—необразованное и высшее—полуобразованное. Здѣсь среднее. Къ какому принадлежите вы?»

Въ балтійскомъ флотѣ, при всѣхъ кражахъ и безпорядкахъ, при-

крытыхъ лоскомъ дисциплины, все было всетаки на виду, и Петербургъ и Петергофъ были близко. Въ Керномъ морѣ все доходило до баснословныхъ размѣровъ. Теперь черноморскому флоту открывалась первая роль. Незадолго до начала войны братъ отца Александръ получилъ чинъ контръ-адмирала и, такъ какъ въ Балтикѣ не было свободной бригады, то его назначили въ Черное море. Дядя былъ недоволенъ. О черноморахъ ходили отталкивавшіе его слухи и онъ ѣхалъ на служебныя непріятности. Человѣкъ онъ былъ честный, но не того закала, какъ братъ его Константинъ, и когда какое-нибудь превосходительство требовало отъ него чего-нибудь незаконнаго, онъ конфузясь и потирая руки, мормоталъ: «Ваше п—ство, я знаю, что обязанъ повиноваться начальству, но я бы попросилъ у васъ на это предписаніе». А его п—ство именно, того и хотѣло, чтобы черную работу для мошеннической штуки ему обдѣлалъ подчиненный и не скомпромстировалъ бы его предписаніемъ. Эта дядина манера въ Николаевѣ, когда начались приготовленія для встрѣчи непріятеля и закипѣла самая интересная пора, была причиной, что его сплавили на Дунай начальникомъ рѣчной флотиліи, оберегавшей переходъ войска.

Письма приходили отъ дяди и при томъ ничего не говорившія, кромѣ рапорта о его здоровьѣ, но приписка: «Богъ дасть свидимся, многое поразскажу», заставляла отца хмуриться. И все болѣе и болѣе хмурился онъ и становился все мрачнѣе по мѣрѣ того, какъ надвигались событія: черноморскій флотъ потопленъ, англичане и французы высадились. Солдаты роптали на Меншикова и прибавляли къ его фамиліи слогъ «Из». Отецъ говорилъ свое: каламбуристъ и безбожникъ не на мѣстѣ. Кто-то обрушился на нижнихъ чиновъ за легкость, съ какою взводятъ такое страшное обвиненіе на начальство, онъ отрѣчалъ: «Само виновато, вѣры незаслужили».

Но все еще господствовала увѣренность въ побѣдѣ: «шапками закидаемъ».

Посыпался дождь стихотвореній въ родѣ:

«Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ»...

Барышни, корча чухонцевъ, распѣвали:

«Лляйба быль моя непусть,
Какъ пошла на Тавасгусть
Англичанскій адмиралъ
Всю салакушку побралъ».

А то еще такое обращеніе къ султану:

«Мы диванъ твой разнарядный
Какъ скамейку повернемъ,
И тебя въ чалмѣ парадной
Изъ Европы вонъ швырнемъ».

Все это трескучее самохвальство.

По рукамъ пошло замѣчательное стихотвореніе, которое приписывали Хомякову или Аксакову, но въ дѣйствительности принадлежало Лаврову. Неуча, я выучила его наизусть и теперь помню большую часть его. Я декламировала его, особенно строфу, которую прочла въ первый разъ съ такимъ изумленіемъ, близкимъ къ ужасу:

«Но помни.....
Ты нашей силой крѣпокъ.
Величьемъ нашимъ ты великъ;
Народовъ мощь, есть мощь владыкъ».

Проходившій черезъ комнату отецъ остановился и сталъ слушать. Насмѣшливое выраженіе съ какимъ онъ обыкновенно слушалъ мои патріотическія декламаціи исчезло, когда онъ вслушался:

«И въ страхѣ утвердятъ парламенты, палаты
Все то, что русскій царь велѣлъ
И русскіе... Но мы достойны-ль этой славы
Во истину-ль, мы лучше ихъ?...

Тогда уже ходили слухи о безпорожьи въ Крымъ, о кражахъ Орлова, говорили: «союзники надежные враговъ».

Послѣднія строки я закончила съ трепетомъ:

Отецъ простоялъ съ минуту, очевидно подавленный слышаннымъ потомъ спросилъ, откуда я это достала, спросилъ рукопись и, не говоря ни слова, унесъ въ кабинетъ. И я больше не видѣла этой рукописи и не слыхала отъ отца ни слова о ней.

Тогда, въ 17 лѣтъ, я хорошо замѣтила, какъ больно били душу отца эти стихи, особенно послѣдніе. Позже, когда я осмыслила жизнь нашу, я припоминала одинъ случай, поняла отношеніе отца къ нимъ.

Это было въ концѣ 40-хъ гг., дядя Александръ Романовичъ, командовалъ экипажемъ, и, не найдя квартиры, жилъ у насъ. Меншиковъ далъ знать, что такого-то числа императоръ сдѣлаетъ смотръ эк-

мующимъ въ Кронштадтѣ экипажамъ. Началась дрессировка шагистики, дядя съ утра и еще ранѣе уходилъ въ манежъ. Съ 5—6 утра на дворѣ казармы офицеры учили матросовъ и потомъ вели ихъ въ манежъ. Мнѣ помнятся, что, главнымъ предметомъ заботъ была какая-то деплойада. Если не ошибаюсь, такъ звали штуку достойную эквилибристовъ. При маршировкѣ по манежу, надо было дѣлать повороты, требовалась математическая точность. Мнѣ не разъ приходилось видѣть ученье въ манежѣ. Проходя черезъ адмиралтейство въ лѣтній садъ, мы въ дождь заходили прятаться въ манежъ. Маршировавшіе ряды описывали овалъ, и шли тихимъ шагомъ «по-гусиному». На поворотахъ описывали полукругъ, но такъ, что ряды, сходясь внутри полукруга, расходились по его внѣшнему краю, какъ правильные лучи. Внутри полукруга крайніе рядовые ступали такъ, что носокъ шедшаго сзади упирался въ пятку передняго; у слѣдующихъ рядовыхъ разстояніе увеличивалось постепенно, такъ что, крайнимъ, снаружи вращавшагося полукруга приходилось дѣлать гигантскіе шаги. Выучка такой штукѣ рекрутъ стоила много палокъ, розогъ и выбитыхъ зубовъ. Получалось жуткое впечатлѣніе массы людей превращенныхъ въ машину. И эту жуткость я начала рано чувствовать. Окна нашей квартиры въ Кронштадтѣ выходили на дворъ казармы и мы избѣгали подходить къ окнамъ, чтобы не видѣть битья, не слышать невозможной ругани. Отецъ мой всегда саркастически смотрѣлъ на эти деплойады и не раздѣлялъ ни восхищенія на удачныя, ни негодованія на неудачныя фронтовиковъ начальства. Дядя даме похудѣлъ за время приготовленія къ смотру, тѣмъ болѣе, что Меншиковъ секретно поручилъ своему адъютанту передать, что государь былъ очень недоволенъ послѣднимъ смотромъ гвардіи. Насталъ день смотра, дядя ушелъ въ манежъ, взволнованный и крѣпясь. Онъ попросилъ мать мою благословить его. Мать, бывшая институтка, достала изъ кіота фамильную святыню, переходившую въ ея родѣ съ незапамятныхъ временъ—серебряный маленькій крестикъ съ крошечной выдвижной стѣнкой, закрывавшей ящичекъ, гдѣ хранились щепочки отъ креста господня, или камешекъ отъ гроба. Она благословила дядю вся проникнутая торжественностью минуты.

Смотръ удался такъ блестяще, какъ и не помнили въ преданіяхъ смотровъ за многіе годы. Государь командывалъ и одобрительный тонъ его поощрялъ и офицеровъ, и команду. По окончаніи смотра, онъ взялъ дядю за талію и прошелся съ нимъ передъ фронтомъ, сказавъ громко: я пошлю свою гвардію учиться у тебя. Потомъ вызвалъ было изъ разныхъ рядовъ по матросу и приказалъ имъ разуться и разстегнуть мундиры; чтобы видѣть сапоги и подвертки, рубаху и сукно и подкладку мундира. Все было тщательно осмотрѣно. Въ этой

лотереѣ вызововъ, которая сильно прогнѣвала государя при смотрѣ гвардіи, для дяди не могло выпасть дурного номера; да лотереи и не могло быть. Матросы говорили про своего экипажнаго, что не возьметъ ни нитки, ни крохи матросской. Въ заключеніе, команда па царское спасибо гаркнула какъ-то особенно громоподобно: рады стараться в. в-ство. Императоръ объявилъ командѣ по рублю, капитану—Анну на шею, бригадному и всему экипажу благодарность въ приказѣ.

Дядя запоздалъ возвращеніемъ: обрадованный бригадный увелъ его къ себѣ обѣдать. Мы были въ порядочной тревогѣ, пока не вернулся отецъ, радостный, что все сошло. Его поздравилъ съ «радостью братца» часовой у воротъ адмиралтейства, черезъ которыя шелъ въ казарму экипажъ дяди. Отецъ, войдя въ домъ, тотчасъ пошелъ къ кіоту и, перекрестясь большимъ крестомъ, сказалъ: «благодарю Тебя, Господи». Онъ не за себя благодарилъ: царь не сталъ дѣлать смотра адмиралтейству.

Дядя вернулся часа черезъ три, и сильно навеселѣ. Онъ не пилъ больше рюмки Тенерифа за обѣдомъ и разрѣшилъ лишь благодаря радости, да и обрадованный бригадный, любитель выпивки, угощалъ усерднѣе обыкновеннаго. Къ концу обѣда расчувствовавшійся бригадный снялъ съ шеи Анну и надѣлъ на дядю. Пошли тосты за дядино здоровье, объятія. Мы, конечно, встрѣтили дядю объятіями. Когда восторги поутихли, дядя снялъ Анну съ шеи, подержалъ ее на вытянутой рукѣ, созерцая любовно, перекрестился большимъ крестомъ и приложился къ ордену. «Благодарю моего Создателя, я недаромъ жилъ на свѣтѣ». И съ какимъ чувствомъ благодарности и счастья онъ произнесъ эти слова. Отецъ молчалъ, только горькая усмѣшка скривила губы и въ глазахъ была горечь. Тогда, по 12 году, мнѣ было досадно и непонятно, почему отецъ не раздѣляетъ нашихъ восторговъ. Уже взрослой я видѣла переписанную его рукой тетрадь съ «Горе отъ ума». Стихъ «чины, кресты—души мытарства»—былъ отмѣченъ. И крестъ за что, за дрессировку матросъ гимнастикѣ!

При началѣ войны оказалось, что автоматически устраивавшіе д е п л о й а д ы, матросы стрѣлять не умѣли. У враговъ были кононерскія винтовыя лодки, отличные артиллеристы. Начальство, не помню, по приказу ли изъ Петербурга, или по собственной иниціативѣ, распорядилось вооружить галеры, которыя послѣ войны со шведами гнили себѣ въ сараяхъ. Пріѣзжая лѣтомъ съ дачи къ отцу, я видѣла эти галеры. Широкобокія, неуклюжія посудины, съ прямо отсѣченной кормой, къ которой надъ ватерлиніей былъ придѣланъ сживавшійся треугольникомъ плотъ. На кормѣ стояла пушка, ржавая, до-нельзя, заряжавшаяся съ дула по-старинному. Треугольникъ служилъ для артил-

лерійскихъ солдатъ, заряжавшихъ пушку. Гребцовъ на галеры брали изъ голытьбы, приходящей къ веснѣ въ Кронштадтъ для нагрузки и разгрузки иностранныхъ судовъ. Трудно приходилось гребцамъ съ высокихъ галеръ учиться грести неимовѣрно длинными веслами, которыя то и дѣло ломались и зачастую отъ размаха гребецъ летѣлъ въ воду, откуда его вытаскивали. На треугольникѣ у кормы надъ водой копошились солдаты-артиллеристы, примѣрно заряжая съ дула пушку «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма!»,—какъ острили мичмана, командовавшіе лодками. Часто наѣзжавшая сзади галера била въ треугольникъ, или шедшая на перерѣзъ паваливала бокомъ, и гребцы ея веслами сшибали въ воду артиллеристовъ. Гремѣли ругань и хохотъ. Но хохотъ задѣвалъ не однихъ неумѣлыхъ гребцовъ и барахтавшихся въ водѣ артиллеристовъ. Онъ захватывалъ шире, билъ глубже. Когда выпускали изъ гавани галеры поплавать на рейдѣ, старые матросы хохотали: «по швамъ разсядется». Какой-нибудь заслуженный унтеръ съ наваринскимъ крестомъ, говорилъ отцу: «Ваше высокоблагородіе, на большомъ рейдѣ *) не выгребутъ, да и до него не дойдутъ, течь дадутъ». Въ тонѣ слышалось недоговоренное: «и такія посудины посылаютъ!». Отецъ мрачно, какъ человѣкъ, крѣпящійся отъ боли, отвѣчалъ: «Начальство приказало, не наше дѣло разсуждать».

Посудины,—ихъ же звала команда и коровами,—покачавшись немного на волненіи противъ Купеческихъ воротъ, возвращались, сидя замѣтно ниже въ водѣ, чѣмъ до выхода изъ гавани. Командовавшій мичманъ съ прискорбіемъ говорилъ отцу, что надо чиниться въ докѣ. У него улетучивались три рубля въ день за плаваніе, и приходилось довольствоваться одною зелененькой за тотъ часъ, или получасъ, что онъ плавалъ и тонулъ на рейдѣ. Усиленное жалованье считалось съ выхода за гавань.

Случалось, что «корова» тонула такъ основательно, что отецъ посылалъ катеръ и шлюпки, чтобы снять съ нея команду, баластъ, и корову тащили на буксирѣ въ гавань, гдѣ она уже окончательно садилась на дно. Гремѣлъ хохотъ, раскатывался по пустой гавани эхомъ, отбрасывался назадъ, и казалось, что хохочетъ какай-то злой духъ. Иногда отецъ, не выдержавъ, замѣчалъ: «Чего хохочете? Веселье нашли!».

Я все хорошо помню: мнѣ было уже 17 лѣтъ; я постоянно была на стѣнкѣ у воротъ. Присутствіе членовъ семьи начальства не удивляло: въ 53 г. не былъ еще отданъ семьямъ служащихъ и обывателей приказъ выѣзжать изъ Кронштадта. Но чуялось что-то нестарое въ воздухѣ, нижніе чины говорили громче, свободнѣе, особенно молодые

*) Рейдъ противъ купеческой стѣнки назывался малымъ рейдомъ. Большой шелъ далѣе за передовыми фортами.

матросы и солдаты. Когда я сидѣла на углу у стѣнки, до меня долетали слова: «У него канонерки, у него нарѣзныя, дальнобойныя пушки; и не подпустятъ нашихъ коровъ». Говорилось громко, что фортъ Меншиковъ, выстроенный на углу средней гавани, противоположномъ углу купеческой и образовавшемъ съ послѣднимъ ворота, былъ выстроенъ такъ, что не выдержитъ собственной пальбы разомъ изо всѣхъ ярусовъ и развалится. Строилъ инженерный полковникъ, вѣнчавшійся въ одномъ году съ отцомъ, въ мундирѣ съ потертыми локотками. Къ 53 г. онъ купилъ тысячу слишкомъ душъ въ Западномъ краѣ. Тотлебенъ, пріѣзжавшій въ Кронштадтъ послѣ войны, нашелъ, что фортъ выстроенъ какъ будто нарочно для того, чтобы обстрѣливать свои передовые форты; а когда они будутъ взяты, то фортъ безполезенъ. Онъ стоилъ чудовищную сумму. И до Тотлебена это понимали, объ этомъ говорили по секрету. Семья инженера была дружна съ семье главнаго командира и въ кронштадтскомъ обществѣ велась тонкая политика. Къ началу войны умеръ главный командиръ, да и война развязала многіе языки. Отецъ, наслушавшись толковъ, дольше стоялъ на своей ночной молитвѣ; онъ всегда вставалъ среди ночи молиться въ тишинѣ и подводить передъ Распятіемъ итоги въ пережитомъ днѣ. Иногда, просыпаясь, я слышала доносившіеся изъ его комнаты съ мучительной мольбой возгласы: «Господи, не покарай насъ по грѣхамъ?-». А грѣховъ все прибывало. Вздумали загораживать сѣверный фарватеръ между Котлинымъ и Сестрорѣцкомъ боками, оставивъ посерединѣ проходъ для мелкихъ судовъ. Загораживали, загораживали и все не могли загородить. Оказывалось, что волненіе уносило опущенныя на дно бревна; денегъ казенныхъ уходило пропасть, къ рукамъ приставала немалая толика; а болѣе ничего не требовалось.

Отцу приходилось выносить немало непріятностей изъ-за аппетитовъ, разгорѣвшихся на казенную копейку. Каждый мичманъ, командовавшій галерой, настоятельно требовалъ, чтобы его выпустили за купеческія ворота; онъ получалъ три рубля. Пропускъ зависѣлъ отъ отца. Отецъ не пропускалъ галеры, течь которыхъ была очевидна. Офицеръ, если у него были связи съ начальствомъ отца, пытался пройти, отецъ грозилъ послать катеръ арестовать его за нарушеніе дисциплины. Командиръ галеры повиновался, и проходившее въ гавань начальство дѣлало отцу замѣчанія за его придирчивость и непониманіе героическихъ порывовъ молодежи. Отецъ возражалъ невозмутимо: «Геройство за три рубля покачаться въ тихую погоду на рейдѣ, затонуть на мели и быть прибуксированнымъ въ гавань». Но во взглядѣ его было столько презрѣнія и иронія, которыя хлестали по лицу начальство и были хуже дерзостей. Случалось, что забывшійся подчиненный дѣлалъ дерзости начальству, но послѣ приносилъ унизительное покая-

ніе, и подчиненный и начальникъ были все-таки свои люди. Отцовскія дерзости не забывались.

Война шла своимъ ходомъ, позорнымъ не ради пораженія, позорнымъ тѣмъ, что оно было заслужено, было плодомъ невѣжества, рабства, душевнаго торгашества. Отецъ не хотѣлъ слушать, когда говорили о гибели Севастополя, и не выдавалъ ни словомъ, что считаетъ несчастіе неизбѣжнымъ. Такъ тяжело раненый говоритъ: ничего. Только молился онъ дольше и со стономъ боли и ужаса у него вырывалось: «Помоги, Господи, а то возропщу». На кого ужасался отецъ роптать, на царя или на Бога? Думаю, что на перваго, и года черезъ три-четыре мое предположеніе подтвердилось.

Въ августѣ 55 г. пріѣхалъ дядя, декабристъ, получившій ранѣе другихъ декабристовъ позволеніе вернуться; за него усиленно у Дубельта хлопотала сестра отца и дядина, Наталья Романовна Алимпьева, мужъ которой оказалъ какую-то услугу старшему шефу жандармовъ.

Дядя привезъ массу новостей самыхъ убійственныхъ. Какъ ни возражалъ ему отецъ, какъ ни гремѣлъ противъ «бунтовщика врага монархіи», но противъ вошіющихъ фактовъ возраженія обращались въ ноль и повторялись только изъ того упорства, съ какимъ утопающій цѣпляется за соломенку.

Въ началѣ зимы 56 г. вернулся изъ Чернаго моря дядя Александръ Романовичъ. Ему не нашлось бригады, и потому онъ получилъ отставку съ чиномъ вице-адмирала. Дядя многое разсказалъ отцу. Онъ былъ очевидцемъ и перехода черезъ Дунай и отступленія; но я обстоятельно не помню ничего, потому что, чуть я начинала внимательно вслушиваться, отецъ, мать, или дядя высылали меня изъ комнаты. Тогда уже начали принимать мѣры противъ «неженственныхъ» стремленій моихъ и всего, чѣмъ я измѣняла «идеалу барышни комъ иль фо». Слова дяди Александра много значили для отца. Александръ не увлекся гибельными идеями декабристовъ, да его и не вербовали. 14-го декабря онъ былъ на площади со своей ротой, которую увлекъ Бестужевъ-Марлинскій. Какъ ротный, дядя былъ обязанъ быть при ротѣ, и все время шелъ сбоку, уговаривая вернуться. Его арестовали, продержали въ крѣпости въ Свеаборгѣ и оправдали по суду. И этотъ вѣрный «престолу-отечеству» дядя разсказывалъ такія вещи, что дядя Николай Романычъ и скорбно, и съ злорадствомъ восклицалъ: «Это еще почище того, что я тебѣ говорилъ, Константинъ, а ты увѣрялъ, что я вру». Одинъ фактъ я твердо запомнила. Главнокомандующій Остенъ-Сакенъ собралъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и сказалъ имъ высокопарную рѣчь, закончившуюся словами: «Я надѣюсь, господа, что вы всѣ помните присягу и исполните свой долгъ». Всѣ, кромѣ дяди,

молчали .Дядя отвѣчалъ: «я, ваше высокопревосходительство, тридцать пять лѣтъ исполнялъ свой долгъ и помнилъ присягу». И дядя этого не могъ забыть и черезъ много лѣтъ вспоминалъ съ раздраженіемъ и обидой: «Этотъ нѣмчура вздумалъ меня, русскаго, учить вѣрности, присягѣ и долгу».

Послѣдствіемъ дядина отвѣта было то, что всѣ требованія прочихъ начальниковъ частей исполнялись прежде его требованій. Команду валили съ ногъ лихорадки, свирѣпствовавшія въ дунайскихъ гирлахъ, а хины ему не высылали, да и съ продовольствіемъ было плохо. Дядя, получавшій большое содержаніе и холостякъ, могъ тратиться на команду и выписывалъ на свой счетъ хину. Его напоминанія въ штабъ главнокомандующаго клали подъ сукно.

И этотъ разсказъ дяди, и видѣнные мною абордажные крюки, отлетавшіе отъ древковъ, съ которыми отецъ готовился идти на абордажъ вражьяго судна, были хорошими уроками, которые не забывались.

Въ февралѣ 55 г. умеръ императоръ Николай. Въ нашемъ кругу впечатлѣніе его смерти было сильное. Старые служаки горевали и, какъ мнѣ въ 19 л. казалось, искренно. Я судила по горю отца. Онъ плакалъ, не только на панихидахъ, пѣніе которыхъ всегда трогало его до слезъ, но и дома передъ кіотомъ, молясь за упокой. У него была особая привязанность къ Государю, выросшая изъ двухъ встрѣчъ съ императоромъ: тогда былъ въ милостивомъ стихѣ. Корабль, на которомъ находился дивизіонный командиръ и плавалъ отецъ, какъ дивизіонный адъютантъ, выдержавъ трехсуточную трепку отъ Нордвеста въ концѣ августа въ шхерахъ, добрался до рейда. Государь случайно съ балкона петергофскаго дворца увидѣлъ въ подзорную трубу подходящую эскадру, приказалъ развести пары парохода своего. Команда корабля едва успѣла поѣсть и лечь спать, какъ вахтенный отрапортовалъ, что идетъ царскій пароходъ со штандартомъ. Некогда было чиститься, готовиться къ смотру, насилу могли добудиться команды и офицеровъ. Всѣ въ переполохѣ кинулись наверхъ.

Императоръ, увидѣвъ грязь, порванные паруса, снасти, расщепленное дерево, весь безпорядокъ послѣ бури, загремѣлъ. Онъ обрушивалъ кары на голову адмираловъ, офицеровъ, дошелъ и до команды. Но чуть онъ прокричалъ матросамъ какія-то угрозы,—какія именно, не помню, помню лишь, что непомѣрно жестокія,—какъ отецъ, выступивъ на шагъ, сказалъ: «Ваше величество, съ другой командой мы бы не имѣли счастія васъ принимать». И на вопросъ изумленнаго императора, онъ отвѣтилъ, что команда трое сутокъ шторма не ѣла горячаго и не спала.

Императоръ спросилъ фамилію отца. Фамилія Цебриковъ была

памятна ему, былъ декабристъ Цебриковъ. Онъ взглянулъ на отца пытливымъ взглядомъ громовержца; этотъ взглядъ многіе называли страшнымъ, свинцовымъ. Отецъ выдержалъ взглядъ, и во взглядѣ отца царь навѣрно прочелъ готовность положить за него душу.

Гроза прошла мимо. Царь приказалъ выдать командѣ по чаркѣ водки.

Въ другой разъ возвращавшійся также послѣ «трепки», хотя не такой большой, корабль, вскорѣ послѣ того, какъ всталъ на якорь, былъ посѣщенъ императоромъ. На этотъ разъ Меншикову успѣли дать знать, и онъ сигналомъ предупредилъ адмирала. Прежній случай, когда царь нагрянулъ неожиданно, былъ крайне исключительный. Всегда о всѣхъ царскихъ смотрахъ «экспромтомъ» бывали предупреждены всѣ, кому о томъ надлежало вѣдать. Царскій камеръ-лакей и кучеръ получали отъ начальства хорошую мзду за то, что предупреждали о днѣ императорскаго экспромта-смотра. Это я слышала отъ своихъ родственниковъ, служившихъ въ артиллеріи и генеральномъ штабѣ.

На кораблѣ, названіе его забыла, успѣли все вымыть, вычистить, затереть черной краской расщепленное дерево, обрѣзать порванные концы и оттереть кирпичемъ все металлическое до надлежащаго блеска. Императоръ былъ доволенъ пріемомъ, ура гаркнула, какъ слѣдовало, отдохнувшая команда; все было въ порядкѣ. Онъ спросилъ рупоръ и сталъ командовать какой-то маневръ. Теперь помню одно, что и старые, видавшіе виды, моряки говорили, что маневръ этотъ рискованъ, поворотъ судна выйдетъ такимъ крутымъ, что легко положить его на бокъ. На палубѣ замѣшательство. Адмиралъ смотритъ на командира, командиръ на отца, помня, какъ онъ разъ ихъ выручилъ. Отецъ сказалъ: «Ваше величество, это невозможно». И на вопросъ царя, почему, объяснилъ, что къ царскому смотру успѣли на этотъ разъ только убрать весь ломъ и рваныя снасти и вычистить все; но что корабль долженъ еще сутокъ двое чиниться на рейдѣ, прежде чѣмъ сняться съ якоря.

Отецъ всю жизнь помнилъ эти два случая и съ благоговѣніемъ вспоминалъ о нихъ. Привязанность его къ императору была чиста, и слѣдующій случай доказалъ это. Я грѣшила стихоплетствомъ, и когда Императоръ Николай, при объявленіи войны, пріѣхалъ въ Кронштадтъ дѣлать смотръ войскамъ, то мои восторженныя чувства вылились въ стихотвореніе, изъ котораго уцѣлѣли въ памяти строки:

«Я видѣла его, царя родной Россіи,
Отца народа своего!
Я видѣла его!»...

Затѣмъ шло «чувства святыя». Мать и тетка пришли въ восторгъ и приказали переписать начисто, какъ можно лучше; онѣ хотѣли пред-

ставить царю. Мысль эта меня и порадовала, и смутила, представить царю меня, когда я не поэтъ, тутъ вѣдь нуженъ талантъ, если не Пушкина, то хотя бы Ростопчиной. Я сказала, что попытаюсь написать что-нибудь лучше, если удастся. Но мать и тетка были довольны этими стихами и, чтобы убѣдить меня, заговорили о бриллiантовой брошкѣ, или фермуарѣ. Я закипѣла негодованіемъ по поводу торгашества святымъ чувствомъ, и этого негодованія не могли унять доводы о томъ: quel effet les diamants feront au bal, или о томъ Comme celà me posera dans le monde. Я сожгла стихотвореніе и солгала, что забыла его и не могу возстановить. Прибѣгли къ авторитету отца. Но и на него доводы житейскаго благоразумія не имѣли вліянія. Напрасно мать и тетка слезно доказывали ему, что фамилія будетъ замѣчена, начальство постережется дѣлать ему свинства. Изъ кабинета гремѣло: «Провалъ возьми начальство и всѣ ваши глупости. Всегда честью служилъ».

Отецъ спросилъ меня: «Гдѣ т а м ъ твои стихи»? Я отвѣчала, что сожгла. Онъ глубоко заглянулъ мнѣ въ глаза. Онъ опасался, не послали бы безъ его вѣдома. Было разъ, что дали взятку начальнику штаба Васильеву за чинъ капитана, ужъ не помню, какого ранга. Отецъ не посылалъ Васильеву обычной мзды съ брандвахты, и на придирки его отписывался вполнѣ корректно, но въ предѣлахъ законности, ядовитость была безпредѣльна. Писарь штабной, крестьянинъ отца, видѣлъ, какъ Васильевъ положилъ подъ сукно бумагу въ штабъ отъ начальника отца съ представленіемъ объ отцѣ. Взволнованный и чуть не трепещущій писарь прибѣжалъ подъ строгой тайной передать отцу о такомъ «важномъ правительственномъ секретѣ». На всѣ убѣжденія послать что-нибудь Васильеву, отецъ гремѣлъ свое: «Провалъ возьми все начальство!». Мать взяла въ долгъ у купца боченокъ вина и послала Васильеву, который, вскорѣ встрѣтясь съ отцомъ, благодарилъ его за любезность и сказалъ, что представленіе пошло своимъ ходомъ. Отцу пришлось промолчать. Дома долго гремѣло: «Оповорили меня!».

Въ зиму 55 г. отца перевели въ Петербургъ съ чиномъ генералъ-майора и причислили къ морскому министерству. Новый начальникъ Кронштадтскаго порта Риманъ былъ моложе его по службѣ. Великій князь Константинъ Николаевичъ, съ которымъ отецъ ходилъ объясняться о сдѣланной ему несправедливости—въ то время мѣста зависѣли отъ чина—смущенно потирая руки, сказалъ, что не знаетъ, какъ это могло случиться, и далъ честное слово, что на первую вакансію назначатъ отца. Ожидалась вакансія члена государственнаго контроля отъ морского министерства. Чахоточный Веселаго дышалъ на ладонъ. Отецъ не любилъ говорить объ этомъ, хотя всѣ о томъ говорили и даже поздравляли отца.

Въ морскомъ министерствѣ вырабатывали новые морскіе уставы,

и отецъ каждый день туда ходилъ и дома корпѣлъ надъ кипами бумагъ. Помню, что требовалось писать свое мнѣніе на половинѣ листа о проектѣ того или другого пункта, написанномъ рядомъ на другой половинѣ листа. Отецъ иногда приходилъ спросить меня о нѣкоторыхъ стилистическихъ затрудненіяхъ. Онъ не признавалъ языкъ Пушкина и чтилъ Державина, но теперь требовалось писать по-новому. И я отлично запомнила два его мнѣнія: « Полагаю, сей способъ отчетности изобрѣтенъ ни для чего иного, какъ для большаго удобства ловить рыбу въ мутной водѣ и хоронить концы въ оной». О какой-то проектируемой реформѣ было сказано: «Сія мѣра могла быть предложена только врагомъ россійскаго флота, ибо клонится къ полнѣйшему разложенію онаго». А объ этой мѣрѣ контръ-адмиралъ—помнится Шкотъ—(какая-то морская фамилія), шепталъ отцу, что мѣра эта будто-бы одобрена самимъ великимъ княземъ.

Не знаю, въ чемъ была суть реформы, одобренной великимъ княземъ, но что она не могла вести къ процвѣтанію флота, это доказала Цусима. Насчетъ системы отчетности я еще до отцовскаго отзыва изъ его пререканій съ инспекторскимъ департаментомъ, еще когда онъ былъ помощникомъ въ порту, знала, что нужна начальству именно мутная вода. Одно время отецъ завѣдывалъ въ Кронштадтскомъ портѣ мастерскими и заводами: были и канатные, и кузницы, и сталелитейные заводы, и столярныя мастерскія, не говоря уже о плотничьихъ работахъ въ докахъ. Отца притѣсняли первое время при его отчетахъ, потомъ перестали, и это не за его отповѣди, но по болѣе интересной причинѣ. Пополнивъ всѣ недочеты, заткнувъ всѣ дыры, оставленныя предшественниками, онъ началъ представлять экономію и въ продолженіе своего завѣдыванія представилъ въ разные сроки 200 тысячъ слишкомъ. Къ величайшему его огорченію, начальникъ его, командиръ надъ портомъ, черезъ руки котораго шли представляемыя суммы, не могъ никакъ добиться отъ инспекторскаго департамента увѣдомленія въ полученіи. Въ результатѣ оказался только такой фактъ: инспекторскій департаментъ пересталъ придираться съ отчетамъ отца: вмѣсто обычной мзды, приносимой другими помощниками, получались капитальныя суммы. Отецъ сознавалъ, что долгъ службы и присяги требовалъ, чтобы онъ пошелъ еще выше, разыскивая эти 200.000; но не хватило мужества. Онъ зналъ, что ничего не выйдетъ, но сознавалъ, что, несмотря на все, должно биться до послѣдней возможности; «но» жена и дѣти большое зло». Случалось, что онъ съ горечью повторялъ этотъ стихъ. Двоюродный братъ его, наваринскій герой, Е. И. Цебриковъ, часто дразнилъ его этими 200.000, улетучившимися, какъ дымъ, повторяя, что разумнѣе было бы послать секретно десятую, хотя бы и пятую часть, сохранивъ семьѣ кругленькую сумму.

Разъ, я помню хорошо, отецъ пришелъ изъ министерства такой убитый, раздраженный, даже болѣе,—съ какимъ-то небывалымъ еще выраженіемъ пристыженности, какъ будто его уличили въ чемъ позорномъ. На всѣ распросы матери, онъ отвѣчалъ ломанымъ французскимъ языкомъ: «мадамъ, гранъ дюкъ»... Мать вздохнула легко. Она боялась, не опять ли онъ кому-нибудь оттѣлъ правду и его гонятъ со службы.

Помню еще, какъ отецъ вернулся изъ министерства, хмурый и въ какомъ-то мрачномъ недоумѣніи. Дядѣ-декабристу онъ сказалъ, что не понимаетъ страннаго вопроса, который ему задалъ Шкотъ. Этотъ приближенный великаго князя Константина Николаевича сталъ допрашивать отца о томъ, какія чувства онъ питаетъ въ великому князю. Изумленный отецъ отвѣчалъ: «Такія, какія слѣдуетъ имѣть къ брату моего монарха». Дядя Николай расхохотался...

Великій князь Константинъ Николаевичъ очень либерально держалъ себя съ молодежью, и въ офицерскихъ классахъ морского корпуса молодымъ офицерамъ сходили съ рукъ такія демонстраціи на экзаменахъ *), за которыя теперь не поздоровилось бы молодежи.

Три года состоя по министерству, отецъ видѣлъ, какъ послѣ первой, обѣщанной ему словомъ генералъ-адмирала вакансіи умершаго Веселаго въ государственномъ контролѣ, отданной другому, мимо него проходили и вторая и третья.

---

*) Объ одной изъ нихъ разсказано въ моей статьѣ «Воспоминанія о 53—55 г. г.», помѣщенной въ Вѣстникѣ Всемірной исторіи, можетъ быть не лишнее повторить здѣсь. Въ 1857 г., или около того мичмана офицерскаго класса, прежней морской академіи, ропгавшіе на преподавателя исторіи русской литературы древняго старичка, непризнававшаго новой русской литературы, сговорились не учиться по его запискамъ. Зачинщикомъ или однимъ изъ нихъ былъ двоюродный братъ моей матери Владиміръ Давыдовъ, мой товарищъ дѣтства. На экзаменѣ—не помню уже переходномъ, или выпускномъ въ лейтенанты, первый ученикъ спрошенный изъ русской литературы объявилъ, что не готовился по такому курсу. Второй, третій тоже. Когда вызвали В. Давыдова, онъ заявилъ, что русскую литературу они учатъ по запискамъ лекцій профессоровъ, которыя берутъ у студентовъ, но по курсу преподавателя не учились потому, что онъ не даетъ понятія о новой литературѣ. На экзаменѣ былъ товарищъ морского министра адмиралъ Краббе, человѣкъ—ловкачь, бывшій фаворитомъ Менщикова и потомъ вторгшійся въ довѣріе великаго князя.

Онъ поѣхалъ къ в. к., который искалъ популярности. Протестъ сошелъ благополучно съ рукъ. Архаическаго лектора убрали и на мѣсто его пригласили профессора изъ университета.

— Pas si bêtes!—хохоталъ дядя Николай,—посадить тебя въ контроль. Ты бы имъ задалъ. «Мутную воду»—твою не забыли. Отцу дали при отставкѣ чинъ генералъ-лейтенанта при генералъ-маіорской пенсіи, какъ и слѣдовало. Всѣ говорили отцу, что ему надо хлопотать о томъ, чтобы ему дали пенсію по повышенному окладу генералъ маіорскаго жалованья, которое онъ получалъ. Но не прошло еще пятилѣтняго срока, послѣ котораго, по правиламъ, повышенное жалованье обращалось въ пенсію. Отецъ отвѣчалъ: «Кланяться! Должны дать; я 200.000 слишкомъ сберегъ казнѣ». Дѣло было въ томъ, что онъ не хотѣлъ кланяться человѣку, который нарушилъ данное ему слово. Не сдержать слова было преступленіемъ въ глазахъ отца. Когда приходилось давать слово, онъ говорилъ: даю вамъ честное Цебриковское слово. И въ этомъ не было родовитой барской спѣси. Отецъ чтилъ своего отца и говорилъ, что тотъ всѣмъ обязанъ только себѣ; отецъ приводилъ въ негодованіе родовитыхъ тетушекъ, вспоминая при случаѣ, что дѣдъ его былъ простой казакъ.

Родня, потолковавъ о странностяхъ Константина Романыча, пришла къ заключенію, что, пожалуй, и лучше, что онъ не пошелъ просить о добавочной пенсіи, а то еще «отпустилъ» бы что-нибудь великому князю. Вышло бы хуже, чѣмъ остаться безъ лишнихъ сотенъ рублей. Шли реформы. Отецъ говорилъ свое о конституціи—народу будетъ все такъ же плохо. Онъ смѣялся, когда говорили о революціи: «дураки лѣзутъ, а подлецы раздуваютъ, дѣло-то въ карманъ имъ, въ карманъ». Тогда въ Петербургѣ разразилась пашика. Въ пасхальную заутреню въ дворцовой церкви нашли въ карманахъ пальто и каскахъ генералитета, великихъ князей и даже самого государя, какъ говорили съ ужасомъ, прокламаціи. Какого характера, не помню. Отецъ отозвался лаконически: «Молодежь дуритъ». Много лѣтъ спустя, познакомясь съ Апрѣлевымъ, членомъ суда, убитымъ въ Сочи по ошибкѣ, и вспоминая съ нимъ шестидесятые годы, я услыхала, что то была штука камеръ-пажей. Но только русскіе камеръ-пажи могли сдѣлать такую штуку. Слухи о близкой революціи росли, и мнѣ, тогда уже ушедшей со стараго берега, захотѣлось поглубже разобраться въ психологіи религіи «престолъ-отечества», которой жилъ мой отецъ. Я спросила его: «Представьте, папа, что у насъ, какъ въ 92 г. во Франціи, и государь нашъ поступилъ бы, какъ Людовикъ XVI, который отдавалъ австрійцамъ крѣпости—ключи Франціи за союзное войско, которое помогло бы ему остаться королемъ остальной половины». Сначала отецъ и слушать не хотѣлъ.—То французскій король, а это русскій царь—наконецъ я убѣдила его отвѣтить, доказывая, что я ничего не утверждаю, а спрашиваю только: «если». Но и это если было трудно усвоить «старому могикану религіи престолъ-отечества». Онъ поникъ головой и долго

думалъ... Отвѣтъ, признаюсь, превзошелъ мои ожиданія и еще болѣе сблизилъ меня съ отцомъ.

Пришло время, что отецъ, такъ критически относившійся къ конституціи, заговорилъ о ней. Это было послѣ перваго удара, когда старость унесла многое изъ его непреклонности и рѣзкости. То было, когда послѣ мира 1879 г. отдали туркамъ обратно броненосцы. Старый морякъ не могъ этого вынести и ворчалъ: «Лили русскіе кровь и отданы броненосцы. Была бы конституція—не отдали бы». Была бы конституція, не пришлось бы отдавать; не было бы этой, нелѣпо затѣянной и безобразно веденной войны, побѣда въ которой стоила пораженія.

Къ мѣрамъ, какими охраняется порядокъ, отецъ относился своеобразно. Цензуру онъ признавалъ только какъ запрещеніе писать противъ царя, вѣры и нравственности. Разъ какъ-то онъ замѣтилъ, что смѣшно, когда недоучка-писака—въ писаки все лѣзутъ недоучки изъ университетовъ—возьмется судить о министрѣ, избранномъ государемъ. Я возразила, что смѣшно или нѣтъ, но если бы онъ былъ министромъ, то не сталъ бы гнать за отзывы о немъ, а сказалъ бы: вотъ моя жизнь, пусть меня судитъ міръ. Печать-то гонятъ тѣ, у кого есть грязныя пятна. Онъ согласился.

Разъ отецъ далъ мнѣ совѣтъ, самый неудобоисполнимый въ моихъ мытарствахъ въ цензурѣ. Цензурное управленіе получило изъ 3-го отдѣленія бумагу слѣдить внимательно за всѣмъ, что я пишу. Слѣдить значило косить. На такую бумагу требовался и скорѣйшій отвѣтъ дѣломъ. Первымъ моимъ изданіемъ послѣ бумаги былъ сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. Всѣ они были напечатаны прежде въ изданіяхъ, одобренныхъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія и вѣдомствомъ императрицы Маріи. Цензурный комитетъ выключилъ разсказъ «Мой отецъ»,—воспоминанія о тѣхъ семейныхъ драмахъ и о томъ, какъ онѣ переживались восьмилѣтней дѣвочкой, когда отцу грозила отставка, если не нѣчто худшее, за то, что не принялъ гнилой пеньки на портовой канатный заводъ. Зная, что отецъ будетъ пріемщикомъ, одинъ честный купецъ, помнится, Байковъ, рискнулъ забрать въ кредитъ пеньку, а на такую сумму кредита онъ никогда не рисковалъ. Отецъ еще до поставки видѣлъ пеньку въ складѣ и основательно удостовѣрился въ доброкачественности. Байковъ разсчитывалъ, что подмазка не нужна. Какой-то аферистъ, помимо отца, забѣжалъ къ его начальнику, капитану надъ портомъ. Анжу сказалъ отцу, что пенька уже заказана имъ самимъ, чего вообще не дѣлали капитаны надъ портомъ. Отцу оставалось принимать послѣ повѣрки. Это дѣлалось такъ: изъ мѣшковъ, или кульевъ, брали пеньку по указанной мѣрѣ, сучили и привѣшивали къ концу опредѣленный вѣсъ. Отецъ замѣтилъ, что унтеръ,

обязанный брать пеньку, какъ-то особенно внимательно вглядывался въ кулья, прежде чѣмъ доставать пеньку. Отецъ приказалъ ему на третью пробу взять пеньку изъ ближняго куля. Пенька не выдержала и половины вѣса; такъ было и съ пенькой, взятой изъ нѣсколькихъ другихъ кульевъ. Отецъ просилъ Анжу и подрядчика указать на какіе-нибудь кулья. Анжу указалъ, подъ насмѣшливымъ взглядомъ отца,— тоже фіаско пеньки. Подрядчикъ, у котораго была рука въ инспекторскомъ департаментѣ, пожаловался на отказъ отца принять пеньку, объяснивъ его дѣйствіе пристрастіемъ. Прислали изъ Петербурга слѣдователя, взяточника, и дѣло кончилось бы плохо, если бы у слѣдователя не заболѣлъ опасно кто-то изъ семьи и его вызвали телеграфомъ; вмѣсто него прислали другого, оказавшагося честнымъ человѣкомъ. Правда восторжествовала, что было въ то время не меньшей рѣдкостью, чѣмъ теперь. Пеньку Байкова приняли, несмотря на самую придирчивую пріемку начальника отца. На Пасхѣ Байковъ прислалъ отцу приказчика, несшаго гигантскихъ размѣровъ куличъ. Подъ куличомъ оказался конвертъ съ 150 рублями, который и былъ возвращенъ. Байковъ обидѣлся, доказывая, что это не взятка, по такому дѣлу взятка пахла бы тысячей и побольше, и не благодарность даже, а просто на радостяхъ гостинецъ дѣтямъ.

Это было темой запрещеннаго разсказа, понятно, что безъ процедуры пріемки пеньки и служебной формалистики. Передана была только семейная драма и слова отца о совѣсти, о томъ, что принявъ онъ гнилую пеньку, могли бы погибнуть и суда, и люди. Въ цензурѣ запрещеніе мотивировали тѣмъ, что я внушаю дѣтямъ мысли о томъ, что въ отечествѣ берутъ взятки, а это не патріотично. Когда я передала отцу этотъ отзывъ секретаря цензурнаго комитета, отецъ вскричалъ: Хотятъ взятки; подавай на Высочайшее имя. Второй разъ настоятельный совѣтъ и чуть не приказаніе я получила по поводу вычеркнутаго мѣста изъ одной моей статьи въ «Недѣлѣ» о педагогическихъ вопросахъ. Я говорила, что семья не готовитъ дѣтей къ ожидающей ихъ дѣйствительности. Тогда дѣти были заперты въ дѣтской и не смѣли спрашивать о жизни взрослыхъ. Такимъ образомъ, они теряли и хорошіе примѣры изъ честной жизни отца и борьбы его съ неправдой. Въ опроверженіе доводовъ о недоступности всего этого дѣтскому пониманію приводились примѣры изъ жизни отца и дѣтскаго къ нему отношенія. Мы толковали съ товарищами дѣтства о пріемкѣ пеньки и гибели судовъ отъ гнилого матеріала. Отецъ былъ убѣжденъ, что цензура прижимаетъ ради взятки и ворчалъ: «Не патріотично! Патріоты!». Видя красный крестъ на корректурѣ статьи, онъ упрекалъ меня: «Ужъ я разъ говорилъ тебѣ, подавай на Высочайшее имя. Не слушала. Вотъ и подѣломъ».

Живи отецъ въ наши дни, онъ не понялъ бы патріотичность смертной казни. Онъ самъ училъ меня закону Божію по катехизису временъ Екатерины II, по которому самъ учился. Заповѣдь: не убій толковалась человѣчно, и смертная казнь была безусловно запрещена. И всю жизнь отецъ былъ противникомъ смертной казни. Богъ далъ жизнь, человѣкъ не смѣетъ ее отнимать—это былъ его рѣшающій доводъ. О духовенствѣ, защищающемъ смертную казнь, говорилъ, что это волки въ одеждѣ пастыря, а на практическіе доводы возражалъ, что зло можетъ родить только зло и практично быть не можетъ.

Для полной характеристики отца остается сказать объ его отношеніи къ меньшей братіи. Отецъ не поднялся выше своего вѣка и допускалъ розги и, случалось, выведенный изъ себя, грѣшилъ оплеухой или тумакомъ. Это было крайне рѣдко, и потомъ онъ каялся за то, что ударилъ брата во Христѣ. Розги онъ давалъ въ крайнихъ случаяхъ горькимъ пьяницамъ, терпя до послѣдней крохи терпѣнія. Случалось очень часто, что розги совпадали съ окончаніемъ запоя, и это убѣждало его въ исправительной силѣ ихъ. Но на его совѣсти не было ни одного засѣченнаго розгами, и никого не послалъ онъ сквозь строй. Одинъ арестантъ пошелъ на него, угрожая молотомъ—и дѣло не было поднято. Я была свидѣтельницей сцены и помню все такъ же ярко и теперь, какъ помнила въ 20 и въ 40 лѣтъ.

Мы шли всей семьей по двору адмиралтейства: тогда допускались семьи служащихъ. День кончался. Около сараевъ, гдѣ хранились мачтовыя бревна, лежало нѣсколько неубранныхъ бревенъ, стояла кучка арестантовъ въ шапкахъ на головѣ. До насъ донесся глухой гулъ ропщущихъ голосовъ и визгливый крикъ офицера, который, развахивая руками, кидался то съ одной, то съ другой стороны на кучку, оставаясь все-таки въ нѣкоторомъ отдаленіи. Приказавъ намъ стоять на мѣстѣ, отецъ пошелъ къ арестантамъ. Увидя его, офицеръ побѣжалъ къ нему навстрѣчу, блѣдный, перепуганный, бормоча: «Константинъ Романовичъ, арестанты бунтуютъ». «Что?!»,—протянулъ грозно отецъ и пошелъ къ арестантамъ.

Они волновались, на головахъ были шапки. «Шапки долой!»,—скомандовалъ отецъ. Иные сняли шапки. Изъ кучки выдѣлился рослый широкоплечій арестантъ и, раскачивая въ рукѣ опущенный молотъ или крюкъ, которымъ рабочіе зацѣпляли бревна, пошелъ навстрѣчу отцу въ шапкѣ. Во всей его фигурѣ было что-то грозящее, вызывающее.

Я все хорошо разглядѣла. Не помню какъ, но съ мѣста, гдѣ приказалъ стоять отецъ, я очутилась только въ немногихъ шагахъ позади него.

«Шапку долой»,—скомандовалъ ему отецъ.

«Насъ бьютъ и работу даютъ не по силамъ»,—отвѣчалъ арестантъ, становясь передъ отцомъ. Дальше идти было некуда, а тяжелое оружіе все качалось въ опущенной рукѣ. Помню я, какъ рука эта дрогнула, какъ отецъ и арестантъ смотрѣли другъ другу въ глаза прямо, не мигая.

«Ну, что же,—сказалъ отецъ просто:—убьешь меня, мнѣ двухъ смертей не бывать, а тебѣ же хуже и здѣсь, и тамъ».

Глаза арестанта забѣгали, рука разжалась, и оружіе упало на землю.

«Силъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, бьютъ»,—проговорилъ онъ, снимая шапку.

Отецъ обратился къ столпившимся арестантамъ.

«Урокъ отказались кончить,—бормоталъ забѣгая офицеръ,—мерзавцы... я»...

«Я здѣсь начальникъ»,—оборвалъ его отецъ; спросилъ объ урокѣ; оказалось, было назначено невозможное число бревенъ. Отецъ приказалъ арестантамъ перетащить одно бревно, что было исполнено быстро и дружно.

«Молодцы ребята,—сказалъ отецъ,—еще одно перетащите и шабашъ».

Били вечернюю зарю и запирали ворота адмиралтейства. Арестантамъ за ихъ «бунтъ» пришлось проработать лишнихъ минутъ двадцать.

Арестанта, который шелъ на отца съ молотомъ ли, или крюкомъ, отецъ видѣлъ въ первый разъ; арестантовъ посылали работать туда, гдѣ были нужны руки, и подъ командой отца они не состояли. Доведенный до бѣшенства побоями и надругательствами офицера рабочей команды, арестантъ, увидя еще высшій чинъ начальства, ждалъ еще горшаго и былъ готовъ на все. Для него, очевидно, наступила минута, когда душа, оскорбленная, униженная, намученная, проситъ: дай разгуляться и все пропадай пропадомъ. Встрѣть арестантъ начальника изъ Держиморды, онъ положилъ бы его на мѣстѣ и умеръ бы подъ розгами. «Истинно-русскій» человѣкъ никогда не поступилъ бы въ такомъ столкновеніи, какъ отецъ; но отецъ мой былъ не только п р о с т о-русскимъ человѣкомъ, но просто ч е л о в ѣ к о м ъ.

Въ русскихъ людяхъ той поры типа отца была одна общая черта—глубокое презрѣніе къ полиціи вообще и тайной въ особенности. Когда меня начали вывозить, отецъ положилъ грозный запретъ на знакомство съ тогдашнимъ кронштадтскимъ полиціймейстеромъ Лангамеромъ, у котораго была молодая жена и жила невѣстка, моя ровесница. «Воръ! не хочу!»,—гремѣлъ отецъ на всѣ мольбы матери. Тогда Кронштадтъ выгоралъ цѣлыми кварталами, особенно въ отдаленныхъ ча-

стяхъ. Причины были обычныя, но разгораться пожару во-всю давали и полицейскія причины. Первыя бочки пріѣзжали пустыми, и пожарные забирали въ нихъ все, что попадалось подъ руку: куръ, утокъ, поросятъ, телятъ, домашній скарбъ получше: говорили, будто кое-какіе изъ вещей поцѣннѣе и красивѣе видѣли на столѣ въ кабинетѣ полиціймейстера, или на этажеркахъ будуара его жены, или въ буфетномъ шкапѣ столовой. Тайная полиція вызывала въ отцѣ нервное отвращеніе. У командировъ брандвахты была алфавитная книга съ примѣтами лицъ, которыхъ не слѣдовало пускать въ Россію. Когда ожидали изъ-за границы пароходовъ, которые тогда приставали къ стѣнкѣ купеческой гавани, случалось нерѣдко, что отецъ получалъ изъ Петербурга бумагу и всегда бывалъ мраченъ послѣ нея. Онъ доставалъ изъ ящика огромную толстую книгу, внимательно перечитывалъ бумагу, рылся въ книгѣ, сличалъ, пряталъ бумагу въ книгу и запиралъ все на ключъ.

Съ восьми лѣтъ, когда я въ первый разъ увидѣла отца на брандвахтѣ, неизмѣнно черезъ годъ, т.-е. въ каждую его очередь командовать брандвахтой купеческой гавани, меня мучило любопытство узнать, что такое въ этой книгѣ, которая такъ мучила отца, и только, когда мнѣ минуло 14 лѣтъ жгучее любопытство было удовлетворено. Отецъ послѣ бумаги изъ Петербурга, мрачный рылся въ таинственной книгѣ. Въ кабинетъ вбѣжалъ унтеръ и, забывъ формальное прикладываніе пальцевъ къ киверу, проговорилъ впопыхахъ: «Ваше высокоблагородіе, въ караульномъ домѣ пожаръ». Караульный домъ стоялъ въ углу купеческой гавани, на отмели, тамъ, гдѣ стѣнка заворачивала къ городскому валу. Въ погребѣ караульнаго дома хранился запасъ пороха, количества не помню; но запасъ былъ великъ, и разрушеніе отъ взрыва было бы страшно. Схвативъ фуражку, отецъ кинулся на пожаръ. Открытая книга осталась на столѣ. Я кинулась къ ней. То былъ списокъ лицъ, которымъ запрещенъ въѣздъ въ Россію. Я читала имена француженокъ, которыхъ высылали за совращеніе и разореніе молодыхъ людей, шулеровъ за обыгрываніе, и было сказано: молодыхъ людей знатныхъ семействъ; запрещался въѣздъ еще фальшивымъ монетчикамъ, за фальшивыя подписи, документы—это все иностраннымъ подданнымъ. Интересъ къ таинственной книгѣ пропадалъ, и я не понимала, что въ ней такого могло вызывать мрачное настроеніе отца. Но вотъ попались строки о полякѣ, имѣвшемъ намѣреніе убить императора Николая. Съ негодованіемъ я стала читать далѣе. Полякъ этотъ былъ не одинъ. Далѣе, вся холодѣя отъ ужаса, я прочла имя русскаго, имѣвшаго то же преступное намѣреніе. И онъ былъ не одинъ. Попадались еще русскія имена—то были люди зловреднаго образа мыслей. Я все читала, когда тяжелая рука легла на мое плечо. Я не слыхала, какъ отецъ вернулся.

«Помни,—никому ни слова. Это государственная тайна».

И я никому не сказала, пока шестидесятые годы не развязали мнѣ языкъ.

Бывало, что послѣ полученія такой бумаги изъ Петербурга въ день прихода парохода изъ-за границы, отца приходили звать въ таможню. Я видѣла разъ, какъ изъ таможни, находившейся шагахъ въ 20 отъ брандвахты, два конвойныхъ вели одного человѣка, который шагалъ между ними, понуря голову. Его вели въ канцелярію брандвахты. Туда прошелъ и отецъ, захвативъ эту книгу. Вскорѣ, подъ тѣмъ же конвоемъ, и въ сопровожденіи жандармскаго офицера, человѣкъ этотъ спустился на плотъ, гдѣ его ждалъ катеръ.

Въ такихъ случаяхъ изъ Петербурга пріѣзжалъ какой-то статскій генералъ. Онъ шелъ въ кабинетъ отца и вмѣстѣ съ нимъ просматривалъ книгу, иногда вписывалъ новыя имена. Мать всегда очень любезно приглашала его напиться чаю; онъ былъ женатъ на институткѣ одного съ нею выпуска. Отецъ, видимо, черезъ силу исполнялъ обязанности хозяина, и когда уѣзжавшій генералъ протягивалъ ему руку, отецъ, подавъ свою, безсознательно-нервнымъ движеніемъ вытиралъ ее о край сюртука.

Какъ-то, въ позднѣйшія времена, возвращаясь отъ обѣдни, онъ увидѣлъ въ гостиной жандармскаго поручика, пріѣхавшаго о чемъ-то допросить меня. Встрѣтивъ меня на серединѣ комнаты, онъ спросилъ меня шопотомъ: «Э т и зачѣмъ сюда шляются»? Въ тонѣ, какимъ прозвучало слово «эти», было столько безграничнаго презрѣнія и отвращенія.

Отецъ узналъ, что я не иду въ красныя. Объясненіе съ нимъ было коротко. Я сказала, что если бы пошла, то съѣхала бы; ѣсть его хлѣбъ и, надувая его, идти въ красныя было бы какимъ-то надругательствомъ надъ нимъ. Вотъ почему, когда у меня былъ обыскъ, или меня пріѣзжалъ звать жандармскій офицеръ для объясненій, отецъ всегда былъ покоенъ и не ѣздилъ въ III отдѣленіе справляться о переполохѣ, какъ другіе отцы. Если бы засадили по какому-нибудь пустому предлогу, онъ явился бы громить, цитируя статьи закона и тексты изъ Исаіи, подалъ бы на Высочайшее имя и добился бы... высылки изъ Петербурга, возможность чего онъ съ его идеализмомъ «престолъ-отечества» не допускалъ.

Было уже сказано выше, что отецъ въ своихъ отношеніяхъ къ народу не поднялся надъ тѣмъ временемъ, въ которомъ выросъ. Розги,—какъ исправительное средство, но не орудіе истязанія; «звѣрей командировъ» онъ презиралъ, даже болѣе—гнушался ими, что краснорѣчиво выражалось въ томъ, какъ онъ имъ подавалъ руку и потомъ обтиралъ ее безсознательно о конецъ полы сюртука. Отецъ повергъ въ изумленіе

родню, когда послѣ того, какъ тотъ арестантъ шелъ на него, раскачивая свое орудіе, онъ на одномъ пожарѣ позволилъ другому арестанту вычистить себѣ небольшимъ ножикомъ засоренный пылавшей щепой глазъ. И товарищи его по службѣ находили это рискованнымъ не съ медицинской точки зрѣнія: довѣрить свой глазъ арестанту. Врачи сказали, что это спасло глазъ.

Отецъ приводилъ въ негодованіе женскую родню—барынь до мозга костей—своимъ «фамильярнымъ тономъ» съ низшими чинами и даже арестантами внѣ службы. Онъ разспрашивалъ, кто изъ какой губерніи, деревни, какая у кого родня, какъ живется ей и какъ ему прежде жилось. И это не было такъ себѣ «ляспичаньемъ», какъ негодующе замѣчалъ ему иногда дядюшка-генералъ; онъ вполнѣ искренно считалъ себя грѣшникомъ и каялся передъ Богомъ, когда давалъ оплеуху кому изъ меньшей братіи. Успокоеніе во всѣхъ возмущавшихъ его неправдахъ онъ находилъ въ мистическомъ утѣшеніи, что пострадавшіе будутъ вознаграждены, а униженные возвышены тамъ. Онъ вѣрилъ, что должно наступить и на землѣ царство Божіей правды и любви братской, и это не кровью, но евангельскимъ ученіемъ. Но чѣмъ болѣе онъ старался, тѣмъ мучительнѣе становились его молнія передъ завѣтнымъ крестикомъ съ камешкомъ отъ гроба Господня, тѣмъ мучительнѣе и возгласы: «Господи, помоги». Усталая, измученная неправдами и зломъ душа искала утѣшенья т а м ъ.

Заканчиваю свои воспоминанія объ отцѣ, разсказавъ объ одномъ поступкѣ его, для котораго нынѣшніе «истинно-русскіе» люди не нашли бы достаточно сильныхъ діатрибъ. Когда арестовали братьевъ его Николая и Александра, ему были присланы ключи отъ ихъ комодовъ. Какъ это случилось, не могу припомнить обстоятельно. Знаю, что иные изъ арестовывавшихъ офицеровъ втайнѣ сочувствовали декабристамъ; вліяло также и чувство товарищества и рыцарства,—въ тѣ времена несравненно болѣе сильное въ военной средѣ, судя по всему, что я слышала отъ дяди Николая. Помню навѣрно вотъ это, что случаемъ послать кого-то воспользовались и нѣкоторые товарищи арестованныхъ братьевъ Цебриковыхъ. Предлогомъ было прислать бѣлье и нужныя вещи; а шепнули при этомъ, что надо уничтожить такія-то книги и рукописи. Отецъ исполнилъ все это со спокойной совѣстью. Крамола къ которой онъ не приставалъ, памятуя долгъ свой передъ «престолъ-отечествомъ», была обнаружена и не замедлилъ понести свою кару. И эту кару усугубятъ, удесятирятъ, раздувая «подлецы-лакеишки», выказывая свою преданностью.

Никогда отецъ не высказывалъ свое мнѣніе такъ, какъ я его передаю; да со мною онъ никогда и не говорилъ о декабристахъ. Я вывела это изъ его разговоровъ съ дядями, изъ отрывочныхъ вырывавшихся

словъ, когда говорилось объ аналогичныхъ положеніяхъ. Отецъ, уничтожая бумаги и письма, исполнялъ долгъ христіанина.

Отецъ умеръ въ началѣ 1879 года, послѣ трехгодичнаго паралича. До конца жизни онъ оставался «все тѣмъ же вѣрнымъ слугой «престолъ-отечества». Война 1877 г. сильно волновала его, онъ жадно слушалъ чтеніе газеты и, хотя приходилось читать «Сынъ Отечества», которому онъ оставался вѣренъ, но и въ этомъ сервильномъ листкѣ, о сервилизмѣ котораго нельзя было заикнуться при немъ, его чутье опытнаго служаки и честнаго человѣка угадывало факты, которые вызывали у него мучительный возгласъ: «возропщу». Доживи онъ до Цусимы, куда бы привело это «возропщу» русскаго человѣка, какимъ онъ былъ всю жизнь?

**М. Цебрикова.**